

что в рассказе о нашествии Бурандая впервые подчеркнута «самостоятельная деятельность» князя Василька? Но почему нельзя предположить, что в рассказе о событиях 1258—1259 гг. роль Василька в политической жизни юго-западной Руси подчеркнута потому, что Василько в эти годы действительно обнаружил активность? Почему, наконец, о «самостоятельной деятельности» Василька мог рассказать только его, Василька Романовича, «придворный» летописец и не мог сделать того же летописец Данила Романовича? В. Т. Пашуто полагает, что сделать это мог только летописец князя Василька.

Исходя из этого голословного утверждения, В. Т. Пашуто далее, уже не затрудняя себя какой-либо аргументацией, отмечает, какие именно «куски» текста должны быть отнесены за счет владимирского источника, какие за счет холмского. Анализ сводится к простому распределению текста между этими двумя источниками. В результате такой операции разным авторам приписываются «куски» текста, теснейшим образом связанные между собою не только по своему литературному оформлению, но и по содержанию.

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. (стр. 560—561) В. Т. Пашуто, верно, с моей точки зрения, считает принадлежащим летописцу Данила Галицкого, но исключает из летописца эпизод о походе Василька и Бурандая на Литву (от слов: «Василкови же едушу по Борундан. . .» до слов: «. . . княгиню бе бо оставил у брата и сына своего Володимера»). Почему? Ведь эпизод этот — по содержанию прямое продолжение предшествующего изложения: выше сообщалось, что Данил и Василько специально совещались, кому ехать с татарами, и было решено, что поедет Василько. Связан этот эпизод с предшествующим и по изложению: «. . . и еха Василко за брата, и проводи его брат (Данило) до Берестья, и посла с ним люди своя. . . Василкови же едушу по Борундан одному по Литовьской земле, обрет негде Литву. . .» (стр. 560). Почему этот эпизод в целом не мог принадлежать холмскому летописцу Данила Романовича — непонятно.

Ряд недоумений вызывает и анализ В. Т. Пашуто рассказа о втором нашествии Бурандая в 1259 г. (стр. 561—564). Начинается рассказ с сообщения о свадьбе во Владимире у Василька Романовича; в разгар свадебного веселья пришла князьям весть о приходе Бурандая. По утверждению В. Т. Пашуто, оба эти эпизода принадлежат разным авторам: первый («веселье») — владимирскому летописцу, второй («весть») — холмскому. Почему? Или В. Т. Пашуто предполагает, что та подробность, что «весть» пришла в разгар «веселья», могла быть известна только владимирскому автору? Что холмский автор об этом обстоятельстве не знал и знать не мог? Предположение В. Т. Пашуто тем более непонятно, что оба эпизода находятся в теснейшей грамматической связи между собою. «И бывшу же веселью немалу в Володимире городе, и приде весть тогда Данилови к королю и к Василкови, оже Бурондай идеть. . .» (стр. 562). Это «тогда» здесь — знак, что оба эпизода несомненно принадлежат одному и тому же автору, что второй эпизод — прямое продолжение первого не только по содержанию, но и по изложению. Эпизод, по предположению В. Т. Пашуто, принадлежащий холмскому автору, оканчивался словами: «Данило же убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Опять произвольное допущение, не подтвержденное никакими доказательствами. Почему именно здесь? Почему не ниже? Потому что дальнейший текст рассказывает о действиях Василька? Но о действиях Василька рассказывает и текст, который В. Т. Пашуто считает принадлежащим холмскому автору (не Данил, а Василько отправляется к Бурандаю с дарами, Василько